

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА
1812 года
в современной
историографии**

Лапина И.Ю.

**ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ РОССИИ 1812-1814 ГОДОВ. -
СПБ.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного ун-та, 2007. - 387 с.
(Реферат)**

В монографии И.Ю. Лапиной (д-р ист. наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета), рассматриваются процесс формирования и боевая деятельность русского земского ополчения со времени его создания в июле 1812 г. и до ликвидации в 1814 г., после завершения заграничных походов русской армии. Предметом исследования являются причины и предпосылки создания, особенности комплектования земского ополчения и его роль в борьбе с французами. Показан вклад различных губерний в формирование «внутренней воинской силы». Создание ополчения рассматривается как проявление патриотизма всех слоев русского общества.

Земское ополчение 1812 года формировалось по опыту создания народной милиции в 1806 г., когда были выработаны основные методы и определены формы комплектования ополчения. Стимулами к созданию земского ополчения стали отступление русских Западных армий в июле 1812 г. и острая нехватка резервов. В это время Александр I подписал два манифеста - «Первопрестольной столице нашей Москве» и «Манифест с объявлением о вшествии неприятеля в пределы России и о всеобщем противу него ополчении», уповав в них на помощь в формировании «внутренней воинской силы» со стороны следующих категорий населения: городских обществ, именитых граждан, купечества, мещанства, казенных крестьян и свободных хлебопашцев (с. 72). Император, таким образом, сумел воспользоваться патриотическим порывом народа, что позволило ему подготовить для армии дополнительные резервы.

Третий июльский манифест Александра I - «Об организации округов ополчения» — определял порядок и основные принципы формирования ополчения, подчеркивая его временный характер. Манифест ограничил число губерний, в которых должно было формироваться земское войско: 16 центральных губерний делились на три округа. Автор называет несколько причин этого решения. Сказались и ограниченные размеры театра военных действий, и нехватка оружия для ратников. Отрыв чрезмерного количества

крестьян от сельскохозяйственных работ был экономически нецелесообразен и мог вызвать недовольство помещиков. Кроме того, правительство просто боялось вооружать большое число крестьян. По этой же причине главнокомандующий М. И. Кутузов, пишет Лапина, относился к ополчению только как к резерву, «которым можно было “при случае воспользоваться”» (с. 225).

Согласно манифестам Александра I, обязанность по организации ополчения возлагалась на дворян, которые также становились в нем офицерами по рекомендации губернского земского собрания или уважаемых лиц, а комплектовалось ополчение из помещичьих крестьян по решению их владельцев. Удельным и государственным крестьянам поступить в ополчение было сложно. Финансирование ополчений полностью ложилось на плечи дворянства и купечества губерний. Опасаясь разорения, некоторые дворяне скрывали наиболее работоспособных из крепостных. Другие покупали крестьян с семьями, чтобы отправлять их в ополчение вместо своих собственных: семьи при этом оказывались залогом их возвращения. В ополчении участвовали и городские сословия, мещане и цеховые. Существовали ограничения по вступлению в ополчение для ремесленников и мещан, которые были обязаны предварительно «уплатить все подати и на время пребывания в ополчении находиться на собственном иждивении» (с. 124). Лапина подчеркивает тот факт, что набор ратников не был добровольным. Существовала система очередности записи в ополчение, основанная на «учете рабочей силы каждой семьи»; недостаток в ратниках восполнялся привлечением «очередников» и лиц, в чем-либо провинившихся «перед обществом» (с. 116).

По подсчетам Лапиной, губернии, в которых предполагалось организовать ополчения, могли выставить 200 000 ратников. Согласно отдельным распоряжениям ополчения также формировались в Полтавской и Черниговской губерниях. Правительство рассматривало ополчение как иррегулярное войско, однако за счет пожертвований оно содержалось только первые три месяца, после чего входило в состав армии, полностью переходя на обеспечение военного министерства. Предполагалось, что после войны крестьяне вернуться «в “первобытное” свое состояние», однако в крестьянской среде того времени была распространена вера в получение свободы после окончания военных действий.

Лапина особо отмечает ополчения Московской и Смоленской

губерний, в создании которых ведущая роль принадлежала местному дворянству. В Смоленской губернии формирование ополчения было инициировано четырьмя братьями Лесли, которые, узнав о приближении врага к границам губернии, объявили губернскому предводителю о своей готовности набрать 20 000 бойцов, пожертвовать на нужды ополчения собственное имущество и лично принять участие в боевых действиях. Ратники Смоленского ополчения, сформированного после получения согласия и благословения Александра I, приняли участие в Смоленском и Бородинском сражениях. Обнародованный в связи с созданием ополчения в древней столице «Доклад о составе Московской военной силы» стал основополагающим документом для организации ополчений во всех округах. Исключительным явлением было Санкт-Петербургское ополчение, в комплектовании которого принял участие сам Кутузов, в целях укрепления боевой мощи включивший в его состав старослужащих солдат и армейских офицеров, а также позаботившийся о вооружении ратников. Ополчение было направлено на усиление корпуса П. Х. Витгенштейна, в котором оно считалось самостоятельным родом войск.

Большое внимание в реферируемой книге уделено вопросу о пожертвованиях на нужды ополчения от представителей различных сословий русского общества и царской семьи. Всего, по данным Лапиной, в российских губерниях было собрано «около 10 миллионов рублей добровольных пожертвований» (с. 74). В Москве большие пожертвования на ополчение делались купцами, ремесленниками, мещанами. Отмечается решение Александра I и великой княгини Екатерины Павловны о создании ополчений из крестьян принадлежавших им волостей. Патриотические чувства населения подогревались сообщениями о поступивших пожертвованиях на нужды ополчения, которые публиковала пресса; Лапина особенно выделяет активность петербургской газеты «Северная почта».

Автор отмечает необъективность как советских, так и современных исследователей в оценке земского ополчения. Современные историки, по ее словам, рассматривают противостояние наполеоновских войск и ополчения как борьбу «новой прогрессивной Европы против феодального деспотизма» (с. 6). Советские историки неправомерно подчеркивали «народность» войны 1812 года, противопоставляя патриотический порыв народа действиям «реакционного» дворянства, преследовавшего корыстные интересы. На самом же деле, пишет

Лапина, дворяне, ставшие офицерами ополчений, не получали жалования в первые три месяца (до перехода ополчения под эгиду военного министерства), а служили «по особой доверенности государя императора и из усердия к отечеству» (с. 10).

Роль некоторых ополчений оказалась в силу складывавшихся обстоятельств более значительной, чем первоначально предполагал Кутузов. Так, например, после Бородинской битвы «фактически перестало существовать» Московское ополчение, ратники которого пополнили ряды армии (с. 240). После смерти главнокомандующего ополчения активно привлекались к осаде крепостей в периодграничных походов. По мнению автора, формирование ополчений в российских губерниях свидетельствовало о превращении войны из политического спора «двух императоров» в войну «народа с иноземными захватчиками» (с. 95). Ее исход решали резервы, и в этом отношении армия Наполеона, вступив в глубь России, была обречена.

Вопрос о создании ополчения имел не только военное, но и политическое значение, считает Лапина. В высших военных кругах велико было опасение бунта и внутренних беспорядков вследствие вооружения большого количества крепостных. Однако, лишенное иных резервов, правительство было вынуждено прибегнуть к формированию земского ополчения, распространив на него в целях контроля действие военно-полевых судов.

Судьба ополченцев оказалась трагичной. Многие из них погибли, причем большинство не в боях, а от болезней и скудного питания. Ратники, пишет Лапина, выполняли в основном черновую работу - строили бастионы, копали рвы, возводили палисады, переносили тяжелые грузы, а в атаку шли практически безоружные.

В заключении автор отмечает, что, несмотря на вклад, внесенный ополченцами в разгром Великой армии, их подвиг и патриотический порыв не были оценены ни Александром I, ни дворянством, присвоившим себе основные заслуги в защите отечества, руководствуясь представлением о крестьянах-ратниках как своей собственности. Вместе с тем, помимо несомненных военных

подвигов некоторых ополчений, их участие в войне с Наполеоном имело также большое моральное значение как для русской армии, так и для самих ратников. Ополченцы, заключает Лапина, развили в себе чувство национальной гордости и самосознания и принесли из покоренной Европы «веру в освобождение от крепостной зависимости» (с. 364).

Т. К. Сазонова